

ВОПРОС О МАНУФАКТУРНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ГЕРМАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проф. С. Кан

I

В современной советской исторической литературе не раз уже отмечался факт полнейшей невозможности для буржуазной исторической науки удовлетворительно разрешить проблему перехода от феодализма к капитализму и найти единое, целостное объяснение сложному, протекающему в противоречиях процессу зарождения и становления капиталистического способа производства.

Печальный, признанный самой буржуазной историографией факт полного провала попытки разрешить эту проблему в книге Вернера Зомбарта «Современный капитализм» является только лишним доказательством полнейшей безнадежности найти удовлетворительное объяснение генезиса капиталистического способа производства, оставаясь на позициях исторического идеализма. Начав, как известно, с попыток отыскать корни капитализма в аккумуляции городской ренты и переходя затем к войне, роскоши, еврейству и тому подобным «факторам», Зомбарт в последнем издании своей монументальной книги в конце концов докатился, по существу, до вульгарной плюралистической позиции и свёл проблему генезиса капитализма к проблеме генезиса неуловимого и исторического «капиталистического духа».

Не идут дальше этих поисков капиталистического духа, к сожалению, и замечательные во многих отношениях поучительные социологические построения таких крупнейших буржуазных историков-экономистов, какими, бесспорно, являлись Макс Вебер и Эрнст Трельч. Выводя капитализм из этики протестантизма или сводя проблему генезиса капитализма к проблеме генезиса религиозного сознания человека последних веков феодализма, оба эти социолога, воляно или невольюно, ставили наголову подлежащие разрешению вопросы и, понятно, не в силах были дать хоть сколько-нибудь адекватное действительности объяснение происхождения и развития капиталистического способа производства.

Поразительный успех исторических концепций Дюпша и Пиренна в годы, предшествовавшие второй мировой войне, убедительно свидетельствует о настойчивом стремлении буржуазной научной мысли найти выход из того своеобразного тупика, куда её завели многочисленные, но безнадежные попытки Зомбарта и зомбартианцев найти корни капитализма в развитии «капиталистического духа».

И Дюпш, заявляющий о том, что историк-экономист, который отдаёт себе отчёт во всём невероятном богатстве движущих сил общественного развития и не желает подходить к вопросу односторонне или недооценить значение отдельных факторов¹, должен отказаться от попыток «систематизации» и «отграничения» отдельных исторических эпох, поскольку эпохи эти «не исключают вовсе одна другую, но сосуществуют зачастую друг около друга или проникая одна в другую»², и Пиренн, утверждающий, что между феодализмом и капитализмом «можно найти только количественные, но не качественные отличия»³, безусловно, смягчали для буржуазной историографии поречь длинного ряда неудач. Они объявляли несуществующей самую проблему и тем как бы выводили буржуазную историческую мысль из тупика и «преодолевали» кризис. «История представляет собой «ein fortlaufendes Kontinuum», — подчёркивает со всей решительностью Шпангенберг в своей специальной работе, посвящённой проблемам исторической периодизации, — границы между отдельными историческими периодами могут быть обозначены только условно, а сами исторические периоды могут представлять собой только субъективные и искусственные образы» («Gebilde»)⁴.

Разумеется, отказ от разрешения общей проблемы перехода от одной общественно-экономической формации к другой и даже отрицание самой возможности исторической периодизации не освобождали буржуазную историографию от необходимости раскрывать причины перехода к «новому стилю хозяйственной жизни» в истории отдельных европейских стран и не снимали с неё обязанности и необходимости в той или иной мере объяснять своеобразные особенности в их развитии. Указанный выше отказ от разрешения общей методологической проблемы должен был на практике привести и действительно привёл к исключительной неразберихе, открыл простор для самого безудержного эклектизма как в области общей истории экономического развития

¹ Dopsch A. «Gesammelte Aufsätze», S. 289. Wien. 1928.

² Ibidem. S. 290.

³ Pirenne H. «Les périodes de l'histoire sociale du capitalisme». Bruxelles. 1922.

⁴ Spangenberg «Die Perioden der Weltgeschichte». «Historische Zeitschrift». Bd. 127, S. 3, 16.

Европы, так и в области истории экономического развития отдельных европейских стран. Этот эклектизм в области изучения конкретной истории перехода от феодализма к капитализму отдельных стран, и в частности Англии и Франции, не один раз уже отмечался в нашей периодической печати¹.

Тот же, если не больший, эклектизм и методологический разброд являются уделом и немецкой экономической истории. Не будет никаким преувеличением сказать, что проблема перехода Германии к капитализму, не разрешённая вовсе до конца XIX в. представителями так называемой «исторической школы», как «старой», так и «новой», не разрешена удовлетворительно и в XX в. несмотря на всю хвалёную техническую мощь немецкой исторической науки дофашистского периода, несмотря на огромное количество монографий и диссертаций, посвящённых «Wirtschaftsgeschichte» Германии и германского народа!

Понятно, что буржуазная историография Германии не могла не разделять всех основных методологических пороков, присущих буржуазной историографии Западной Европы вообще. Кроме того разрешение сложной проблемы перехода Германии от феодализма к капитализму наталкивалось на ряд дополнительных и специфических трудностей. Не следует упускать из виду то обстоятельство, что именно проблема перехода Германии от феодализма к капитализму больше чем какая-либо другая проблема немецкой экономической истории находилась в зависимости от определённой и классово обусловленной схемы, отказ от которой был совершенно невозможен для большинства представителей немецкой исторической науки.

Не приходится, разумеется, много говорить о хвалёной «объективности» немецкой исторической науки. Легенда об этой объективности задолго до гитлеровского переворота была разоблачена самими представителями немецкой университетской науки, совсем не считавшими нужным скрывать присущую их историческим трудам тенденциозность. Даже в школьных пособиях, в методических руководствах теория факторов давним-давно признавалась лучшим средством борьбы против зловерного исторического материализма².

Покойный Георг Белов ещё в 1920 г. до

¹ Косминский Е. «Английский рабочий в эпоху промышленного переворота». Архив ИМЭЛ 1927 г. Т. III, стр. 421—440; Потёмкин Ф. «Промышленная революция во Франции». «Историк-марксист». 1929. Т. XII, стр. 115—153.

² «История хозяйственного развития должна способствовать гражданскому воспитанию юношества... она должна постоянно подчёркивать «das Nebeneinander der geistiger und materieller Triebkräfte» и тем ограничивать распространение теории исторического материализма» — из методического пособия, выпущенного Силезской исторической комиссией.

конца разоблачил немецкую историческую науку XIX—XX вв. в своей мало известной у нас, но заслуживающей большого внимания книге, посвящённой «Партийно-правительственной новейшей историографии» Германии³.

С редкой откровенностью Белов заявил в ней, что все основные положения современной немецкой историографии корнями своими уходят в эпоху романтизма и своим остриём направлены против идейного наследия революции XVIII века. О том, что в действительности представляла собой знаменитая формула Леопольда Ранке о задачах исторического исследования⁴, тот же Белов достаточно прямо высказывается в другой своей работе⁵. По мнению Белова, историк вообще не может быть объективным. Объективное знание в области исторической науки вообще недостижимо, и лучшее средство приближения к нему состоит, по его мнению, в осознании полной субъективности всякого исторического опыта, в «понимании зависимости нашего суждения» от субъективных «впечатлений и настроений»⁶.

В одном отношении Белов безусловно прав: действительно, объективно познать прошлое с помощью тех методологических приёмов исследования, которые присущи всем немецким историкам со времён Л. Ранке, совершенно невозможно. Субъективизм, безусловно, вполне определяет содержание исторических «трудов» не только верноподанных историков так называемой «прусской школы», но и содержание работ немецких историков-экономистов.

Легенда об особой исторической миссии прусского государства, созданная историками прусской школы во времена воссоединительных войн, не только не умирала, но, наоборот, с особенной силой расцвела именно к концу XIX в. и в том или ином виде легла в основание всех, без исключения, схем перехода Германии от феодализма к капитализму, от средних веков к новому времени, — схем, получивших задолго до гитлеровского переворота самое широкое распространение в трудах немецких историков-экономистов.

Схема, предложенная историками прусской школы, и прежде всего Дройзеном и Трейчке, достаточно хорошо известна. Задача историков-пруссаков состояла прежде всего в том, чтобы возможно ярче представить ту историческую миссию в области культурно-хозяйственного и политического развития немецкого народа, которая будто бы выпала на долю прусских государей и созданного ими государства. И немецкое просвещение («Aufklärung») XVIII в. —

³ Below G. «Die parteiamtliche neue Geschichtsauffassung», Langensalza. 1920.

⁴ Ранке определяет эту задачу как задачу установления «wie es eigentlich gewesen», — как это было в исторической действительности.

⁵ Below G. «Die deutsche Geschichtsschreibung», S. 17 ff. München. 1924.

⁶ Below G., «Die parteiamtliche neue Geschichtsauffassung», S. 9.

Лессинг и Кант, Шиллер и Гёте — и невданный подъём народного хозяйства Германии, её промышленности и торговли, начавшийся в XIX в., по мнению историков прусской школы, были бы совершенно невозможны без плодотворной деятельности «просвещённых» автократов, освободивших будто бы дремавший «дух» немецкого народа от оков предшествующего периода.

Именно на мрачном фоне развала старой германской империи XVI—XVIII вв. — печального последствия Тридцатилетней войны и Вестфальского мирного договора — рисовали Дройзены и Трейчке, Фрейтаги и Зибели картину блестящей созидательной деятельности Гогенцоллернов, сумевших понять историческую миссию Германии и создать предпосылки для нового подъёма. Начало этого подъёма неизменно связывалось при этом с деятельностью Фридриха II и особенно с реформаторской деятельностью министров Фридриха-Вильгельма III — Штейна и Гарденберга¹.

II

В области экономической истории и, в частности, при попытках объяснить переход Германии от феодализма к капитализму схема Дройзена — Трейчке получила самое широкое распространение.

Уже так называемая «старая историческая школа» немецких историков-экономистов в лице Рошера, Гильдебранда и Книса отводила в своих построениях достаточно большое место роли государства, что, разумеется, носило не случайный характер, поскольку всеми своими корнями школа эта уходила в идейный мир романтизма, а воззрения Рошера, например, непосредственно связаны с воззрениями Савиньи и других представителей исторической школы права.

«Новая историческая школа» в области экономической истории, созданная и возглавленная в 70-х годах прошлого века Г. Шмоллером, довела своё преклонение перед прусской государственностью, т. е. перед той грубой силой, с помощью которой создана была «железом и кровью» вторая германская империя, до логического конца. «Ферейн социальной политики», как известно, целиком одобрял и поддерживал социально-экономическую политику Бисмарка, «этически» оправдывая «новый меркантилизм» железного канцлера и ставил своей задачей прежде всего выяснение связей между хозяйственным и социально-политическим развитием страны².

Шмоллер в своих бесчисленных статьях и речах открыто восхвалял немецко-прусское государство. Его экономические взгляды, так же как и взгляды большинства его учеников, складывались «в атмосфере новой империи в твёрдой вере в то, что именно «монархия, армия и чиновничество» призваны вносить успокоение в раздираемый классовыми противоречиями мир ка-

питализма³. Именно в немецких государях и созданном ими государственным аппарате и видит Шмоллер первопричину всего хозяйственного подъёма Германии в новое время, видит основной и действенный фактор, обеспечивший самый переход её от феодального застоя XVI—XVIII вв. к капиталистическому расцвету XIX века.

Периодизация экономической истории мыслится Шмоллером в форме сменяющихся «эпох», которые отличаются друг от друга прежде всего в чисто политическом отношении. За «эпохой территориальных государств», охватывающей XVI—XVIII вв., следует, согласно предложенной им схеме, «эпоха национальных государств большого масштаба» (XVIII—XIX вв.), за которой в свою очередь следует «эпоха новых мировых держав с их охватывающими весь земной шар экономическими связями»⁴.

Замечательно, что даже наиболее последовательный и строгий критик Г. Шмоллера и всей его «исторической школы», вышедший из рядов всё той же немецкой университетской науки, Георг Белов, сам, по существу, стоит и, конечно, не может не стоять на почве всё той же «прусской», тенденциозной схемы.

Указывая со всей решительностью на то, что предложенная Шмоллером теория ступеней («Stufentheorie») экономического развития целиком связана с его исследованиями в области политики Гогенцоллернов и может быть по-настоящему понята «только под этим углом зрения»⁵, сам Белов, в свою очередь, считает единственно возможным принципом периодизации в области экономической истории только чисто политический принцип. «В земной человеческой юдоли именно политический момент представляется наиболее всеобщим и всеобъемлющим», — указывает он, подчёркивая дальше, что этот политический момент «будет служить для него путеводной нитью при исследовании всех дальнейших общественных связей»⁶.

Белов весьма остро полемизирует против выдуманного Шмоллером понятия «территориального хозяйства» как промежуточного, переходного периода, охватывающего XVI—XVIII столетия германской истории. Но сам он при этом выдвигает в качестве такого переходного периода «период городского хозяйства под княжеским руководством» («Periode der Stadtwirtschaft unter landesfürstlicher Leitung») и, следова-

³ Meinecke Fr. «Der Generationen deutscher Gelehrtenpolitik». «Historische Zeitschrift». Bd. 125, S. 265. J. 1924.

⁴ Proesler H. «Die Epochen der deutschen Wirtschaftsentwicklung», S. 30—31. Nürnberg. 1927.

⁵ Below G. «Zur Würdigung der historischen Schule der Nationalökonomie». «Zeitschrift für Sozialwissenschaft», S. 378. VII Jahrgang. 1904.

⁶ Below G. «Ueber die historischen Periodisierungen», S. 18. Berlin. 1925.

⁷ Proesler H. Op. cit., S. 25; Below G. «Probleme der Wirtschaftsgeschichte», S. 616 ff. Tübingen. 1920.

¹ См. например Treitschke «Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert». Bd. I, S. 7. 29, 76.

² Proesler H. «Die Wirtschaftsgeschichte in Deutschland». S. 16. Nürnberg. 1928.

тельно, для своей собственной периодизации экономической истории Германии также ищет *principium divisionis* отнюдь не в сфере производства и производственных отношений.

Следует иметь в виду, что в той же чисто политической области ищет движущую силу экономического развития Германии огромное большинство историков-экономистов. Даже Допш, свободный в известной степени от «пруссских» увлечений, в одной из своих более поздних работ горячо поддерживает Белова, утверждающего, «что политический фактор имеет большое значение для развития хозяйственных отношений и что развитие денежного хозяйства обычно по большей части определяется политическими обстоятельствами»¹. «Всемирная история определяется прежде всего жизнью государств, политическая жизнь влияет больше, чем что-либо другое, больше, чем хозяйственная, на условия существования народов»², — вторит Белову и Допшу Шпангенберг в своей работе, специально посвященной проблеме исторической периодизации.

Однако, подчёркивая примат политического фактора, выдвигая именно его в качестве *principium divisionis* всякой исторической периодизации, включая и периодизацию экономической истории, все историки-буржуа, и социал-демократические в том числе, не забывают отмечать плавность и безусловную непрерывность общественно-экономического развития, не знаящего будто бы вовсе ни «цезур», ни «скачков». Переход Германии от феодализма к капитализму, от средних веков к новому времени мыслится всеми ими исключительно в форме чисто количественного приращения отдельных, наличных уже в самые ранние века признаков. Не будет поэтому преувеличением сказать, что воззрения Пиренна и Допша оказали определяющее влияние буквально на всех современных немецких историков-экономистов, писавших о развитии хозяйства Германии в XVI—XIX веках. Г. Белов, например, прямо указывает, что «если свести воедино все мнения, высказанные по вопросу о периодизации истории, то придётся признать, что в области историко-экономического развития средние века и новое время представляются скорее слитными воедино, чем разъединёнными»³. А. Шпангенберг, подытоживая существующие взгляды, указывает, что в результате длительного обсуждения и столкновения отдельных мнений в настоящее время «граница между новым временем и средними веками стала столь расплывчатой, что представляется вообще почти что совершенно снятой»⁴.

Нет, к сожалению, никакой возможности сколько-нибудь подробно анализировать

здесь многочисленные концепции этого будто бы медленного и плавного перехода Германии от феодализма к капитализму, предложенные отдельными немецкими историками, в том числе и социал-демократическими. Достаточно будет сказать, что большинство их или прямо, как указано выше, стирает границу между средними веками и новым временем, между феодализмом и капитализмом, или же вводит между ними промежуточную, переходную ступень. Так, Зивекинг говорит, например, о «периоде феодального капитализма», Бринкман — о периоде «абсолютистского капитализма» и т. д.

При этом характерно, что почти все немецкие историки в противоречии с собственными представлениями о «непрерывности» и «плавности», стремясь возможно ярче оттенить плодотворную созидательную деятельность гогенцоллернских чиновников, обычно всячески преуменьшают степень хозяйственного развития Германии в XVI—XVIII веках. Они склонны представлять весь период после Вестфальского мира в качестве периода почти полного хозяйственного и политического застоя, исключаяющего какой-либо заметный рост и прогресс. «Во времена Альбрехта Дюрера и Ганса Сакса Германия обладала относительно более цветущим хозяйством»⁵, чем в начале XIX в., утверждает, например, Геркнер, повторяя при этом общее мнение. И он и другие немецкие историки склонны тянуть немецкое средневековье вплоть до периода наполеоновских войн и реформ Штейна — Гарденберга и не видят никаких существенных изменений ни в области аграрного строя, ни в области организации промышленности Германии в период между Вестфальским и Тильзитским миром⁶. Они, разумеется, не могут не замечать широкого развития домашней промышленности — *Hausindustrie*, — протекающего как раз в рамках этого периода, но они, как показано будет ниже, вовсе не усматривают капиталистического характера этой рассеянной по немецким деревням мануфактуры и видят в ней лишь старинные промысла «независимых» немецких кустарей.

Настоящим принцем из сказки, пробуждающим от долгого сна «спящую красавицу» — Германию XVI—XVIII вв., — историки-пруссачи типа Дройзена или Трейчке, как известно, изображали сухого и педантичного «философа из Сан-Сузи» — старого Фрица. Все историки-экономисты Германии также всячески подчёркивают значение хозяйственной деятельности этого прусского короля, но ещё большее значение они придают реформам прусских мини-

⁵ Herkner H. «Die Wirtschafts-soz. Bewegungen von der Mitte des 18. Jahrhunderts». «Propiläen — Weltgeschichte». Bd. VIII, S. 347. То же самое повторяет и Clapham «Economic development of France and Germany».

⁶ Proesler H. Op. cit., S. 91, Spangenberg. Op. cit., S. 48 также отмечают 1807 год в качестве рубежа между двумя периодами.

¹ Dopsch A. «Geldwirtschaft und Naturwirtschaft in der Weltgeschichte», S. 20. Wien. 1930.

² Spangenberg. Op. cit., S. 4 ff.

³ Below G. «Probleme der Wirtschaftsgeschichte», S. 583.

⁴ Spangenberg. Op. cit., S. 2.

стров-либералов Штейна и Гарденберга в период, непосредственно следовавший за Иеной и Ауэрштедтом. Выдвигая, как уже было сказано выше, чисто политический принцип периодизации экономической истории, немецкие историки проводят условную, с их точки зрения, черту—1807 год; именно с этого года начинается, по их мнению, «*Neue Zeit*» — новый период хозяйственного развития — и создаются предпосылки для быстрого подъёма производительных сил страны.

Мы видим, следовательно, что тенденциозная, верноподданническая прусская схема целиком торжествует не только в области политической, но и в области экономической истории современной Германии. Даже те отдельные историки-экономисты, которые, подобно Зомбарту, отдавая дань марксистским «увлечениям» молодости, отказываются признать примат политического фактора и в качестве *principium divisionis* выдвигают другие моменты¹, всё же выпячивают на первый план всё ту же плодотворную деятельность прусских королей и в особенности прусских юнкеров-помещиков. Что же касается Зомбарта, то о его «помещичье-юнкерском крене» не раз уже говорилось в нашей советской печати. В книге «Народное хозяйство Германии» он ставит вопрос о том, «чем обусловлен специфический талант немецкого капитализма?»². И, отвечая на этот вопрос, пишет, что «выдающиеся образцы в области промышленной дисциплины» достигнуты были немцами «путём продолжительного искусственного воспитания», путём прививки всем немцам понятия долга «*Pflicht*». В особенности фактором, благоприятным для развития промышленности, является в данном отношении военная муштра³, подчёркивает он.

Перечисляя во втором томе своего «Современного капитализма» различные препятствия для развития капиталистического духа, Зомбарт, понятно, неслучайно не упоминает о пережитках феодализма. Он вовсе не усматривает в классе юнкеров-помещиков какого-либо препятствия для развития в Германии капиталистических отношений. Наоборот, юнкера-помещики, «являющиеся в Германии прирождёнными вождями», в значительной своей части сами превращаются в капиталистических предпринимателей и гармонически врастают в новый «стиль хозяйственной жизни». «Феодальный класс, — пишет Зомбарт, — подвержен непрекращающемуся омоложению»⁴.

Это характерное стремление к перенесе-

нию в прошлое Германии любезного сердцам современных немецких буржуа факта сближения их собственных классовых интересов с интересами помещиков можно усмотреть не только в сочинениях В. Зомбарта: «феодальным креном» захвачены все немецкие историки-экономисты, неизменно выдвигающие на первый план фигуру помещика-предпринимателя и капиталиста и подчёркивающие в качестве особенности исторического развития Германии союз между бюргерством — буржуазией — и дворянством.

В этом отношении наиболее последовательную позицию занимает плодотворный гейдельбергский историк-экономист Карл Бринкман. В своих трудах он, подобно многим другим, открыто идеализирует средневековое сословное государство и уделяет много внимания государству периода абсолютизма. Под его бойким пером государства маленьких прусских и австрийских автократов превращаются в какие-то инкубаторы, где под заботливой опекой государей выуплывают первые германские капиталисты. Момент, от которого больше всего зависит понимание всей новейшей истории Германии, говорит он, «состоит в общественно-экономической связанности немецкого абсолютизма с подлинным представителем современного капиталистического бюргерства»⁵.

По мнению Бринкмана, немецкое чиновничество осуществило в Германии то, что в соседней Франции осуществлено было революцией: «Монархия и бюрократия шли здесь многообразными путями навстречу конституционному государству и демократии»⁶, а «феодальные порядки здесь нигде, как это имело место во Франции, не стесняли ни бюргерского предпринимательства, ни сельскохозяйственного развития»⁷.

Сказанного, полагаем, вполне достаточно, для того чтобы сделать следующие общие выводы: методологические пороки, свойственные всей буржуазной западноевропейской историографии, целиком свойственны и историографии немецкой. Уделяя огромное внимание проблемам экономической истории, немецкие историки-буржуа в борьбе против учения Маркса об общественно-экономических формациях безнадежно запутывались в сетях собственных построений. Уводя вслед за Допшем и Пиренном капитализм в глубь веков и усматривая его признаки чуть ли не у древних херусков, они одновременно, подобно Белову и Зомбарту, доводят средние века и феодальный уклад в области хозяйства чуть ли не до середины XIX в. и положительно неспособны хоть сколько-нибудь определённо объяснить сложный, протекающий в противоречиях процесс становления в Германии новых, капиталистических отношений. «Прусские очки» мешают им видеть и далёкое и недалёкое прошлое германско-

¹ Зомбарт, например, в своей книге «Народное хозяйство Германии» в качестве такого принципа применяет «ритмы хозяйственного развития», приливы и отливы благородных металлов. См. о его взглядах на значение политического фактора «*Der moderne Kapitalismus*». Bd. II, S. 13 ff.

² Зомбарт В. «Народное хозяйство Германии», стр. 65.

³ Там же, стр. 68.

⁴ Там же, стр. 258—260.

⁵ Brinkmann C. «Die bewegenden Kräfte in der deutschen Volksgeschichte», S. 59. Leipzig. 1922; см. также его «*Wirtschafts und Sozialgeschichte*». München. 1927.

⁶ *Ibidem*, S. 64.

⁷ *Ibidem*.

го народа в неискажённом виде! Не только развитие мануфактуры на немецкой почве, но и развитие промышленного переворота получает самое неправильное, далёкое от исторической действительности освещение.

III

С 70-х годов прошлого века вопрос о возникновении и развитии в Германии домашней кустарной промышленности надолго приковал к себе общественное внимание. Как раз тогда, в годы, непосредственно следовавшие за победным утверждением новой германской империи, «болезненные глухие стоны снова раздались из хижин голодающих домашних ткачей и вызвали в обществе ужас и недоумение»¹.

Большое количество статей и специальных монографий, посвящённых домашней промышленности вообще и отдельным её отраслям в частности, обязано было своим происхождением именно этому, возросшему к концу XIX в. общественному интересу к судьбам немецкого кустарничества, погибающего под напором крупной, машинной индустрии.

Различным вопросам, связанным с проблемой «Hausindustrie» как особой формой промышленной организации или промышленного предприятия, уделяли много внимания вплоть до начала XX столетия и проф. Штида, и Г. Бюхер, и В. Зомбарт, не говоря уже о самом создателе так называемой исторической школы Г. Шмоллере.

Со времени Рошера и Гильдебранда немецкие историки-экономисты продолжали давать самые сбивчивые и противоречивые ответы на вопросы, связанные с переходом немецкой промышленности от средневекового ремесла к капиталистической машинной индустрии, и в особенности на вопросы, относящиеся к домашней промышленности — к деревенскому и недеревенскому кустарничеству, получившему и в Германии самое широкое распространение. На «господствующую неясность», даже «невежество», объясняющиеся отсутствием точного, принципиального понимания существенных сторон вопроса, между прочим, уже давно указывал не кто иной, как В. Зомбарт, много потрудившийся над тем, чтобы по возможности больше запутать сложную проблему генезиса капитализма на немецкой почве².

Нет, разумеется, никакой необходимости обременять читателя обзором многочисленных «теорий» домашней промышленности, выдвинутых отдельными немецкими историками-экономистами, тем более что в трудах проф. Штида или Лифмана³ желающие без особого труда найдут необходимые све-

дения о том, как самые различные исследователи, начиная с XVIII в., определяли сущность «Hausindustrie» или объясняли причины её возникновения.

Однако невозможно понять причины полнейшей несостоятельности, обнаружившейся при попытках конкретного описания и объяснения той стадии немецкой промышленности, которая непосредственно предшествовала машинному производству, если не отдавать себе отчёта в господствовавших среди буржуазных историков немецкого народного хозяйства теоретических построениях, как бы поверхностны они ни были.

Первым историком-экономистом, подвергшим ещё в 50-х годах XIX в. подробному анализу домашнюю промышленность Германии, был В. Рошер — «господин профессор Рошер», как иронически величал его Маркс.

В своих многочисленных историко-экономических трудах и прежде всего в статье «О крупной и мелкой промышленности»⁴ Рошер не раз возвращается к вопросу о происхождении и сущности домашней промышленности в Германии. Совершенно не вдумываясь в действительное содержание отношений, царивших в немецкой домашней промышленности, он, не колеблясь, относит к ремеслу те ранние формы капиталистической простой кооперации и рассеянной мануфактуры, при которых работающий надому кустарь сохраняет формально хозяйственную самостоятельность — лично закупает сырьё, продаёт на рынке купцу готовое изделие, в действительности находясь уже в полной зависимости от капитала. Эта система («Kaufsystem»), широко распространённая во всей Германии вплоть до середины XIX в. и даже позже⁵, остаётся для В. Рошера «народным производством», не имеющим ничего общего с мануфактурой, а это, разумеется, неизбежно ведёт к полнейшей невозможности понять экономическую действительность Германии первой половины прошлого века.

И. Шмоллер также не сумел в своих объёмистых трудах далеко уйти от вульгарных определений В. Рошера. И для него, как это уже в своё время отмечал Зомбарт, домашняя промышленность — только «экспортное ремесло», т. е. экономическое явление, целиком объясняющееся и определяющееся купеческими интересами. Только через пару десятков лет, уже после выхода в свет своих главных, посвящённых домашней промышленности работ⁶, Шмоллер приходит, наконец, к выводу, что «существенным признаком» данной формы промышленности является «совместная деятельность двух различных социальных клас-

¹ Зомбарт В. «Домашняя промышленность Германии». В «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Русский перевод в сборнике «История труда», стр. 362.

² Там же, стр. 303.

³ Stieda «Literatur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie». Lpz. 1889; Liefmann «Wesen und Formen des Verlags». Freiburg. 1899.

⁴ Roscher W. «Ansichten der Volkswirtschaft». Leipzig. 1861.

⁵ См. об этом Stieda. Op. cit., S. 18.

⁶ Schmoller G. «Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jahrhundert». Halle. 1870; «Die Entwicklung und die Krisis der deutschen Weberei im 19. Jahrhundert». Berlin. 1873.

сов»¹. И он вместе с тем, подобно Рошеру, противопоставляет так называемую «Kaufsystem» системе раздачи предпринимателям сырья на выработку. Только эту задачу сырья на выработку он и склонен считать подлинной домашней мануфактурой, сводя, следовательно, отношения, возникающие в этом случае между непосредственным производителем—кустарём—и купцом, к обычным отношениям между производителем и потребителем товара, к простой купле-продаже изделий мелких самостоятельных мастеров.

При этом Шмоллер ещё более наивно, чем Рошер, идеализирует домашнюю промышленность, не останавливаясь даже перед явной и грубой фальсификацией. Кустарь, например, при этом продолжает для него оставаться «в конечном счёте предпринимателем» («eigentlich Unternehmer») и «продавцом товаров» («Waarenverkäufer») ², самостоятельным хозяйчиком, ничем принципиально не отличающимся от мастера-ремесленника прошлых лет.

Можно было бы без большого труда привести массу подобных высказываний как самого Шмоллера, так и его сотрудников по пресловутому «Ферейну социальной политики», но в этом нет никакой необходимости. Исходя прежде всего из интересов Mittelstand'a доказать живучесть народного кустарного производства при капитализме, все они на разные лады восхваляют прелести «домашней системы».

Так, между прочим, думают такие крупные буржуазные учёные, как Штида, Гельд, Лексис, Шеньберг, Лифман, причём последний в своей известной монографии о «Сущности и формах домашней промышленности» доходит даже до полного отрицания возможности сравнивать домашнюю капиталистическую промышленность как форму организации промышленного предприятия с капиталистической фабричной индустрией, а самого кустаря — с рабочим. По мнению Лифмана, капиталисты, раздающие сырьё на выработку, вовсе не являются предпринимателями в собственном смысле этого слова, а купцами, которые берут на себя лишь одни распределительные функции, и поэтому совсем не отвечают за все те бедствия, которые выпадают на долю кустарей ³. Бедствия эти, по мнению Лифмана, следует объяснять не отсутствием у кустарей средств производства, не эксплуатацией и т. п. и не сосредоточением капитала в руках людей, организующих сбыт, а исключительно наличием конкуренции между самими мелкими производителями, обусловленной самой формой данного вида промышленной деятельности ⁴.

Порочность всех этих теоретических представлений о домашней промышленности, которые в конечном счёте сводятся к тому, что огромное количество фактически зависимых от капитала работников относится к категории самостоятельных хозяйчиков-мастеров, теснейшим образом связана с недостатками прусской промышленной статистики XIX века.

Общие сведения о состоянии народного хозяйства Пруссии, этого крупнейшего государства Северной Германии, историки-экономисты черпали из материалов двух промышленных переписей—1846 и 1849 гг.—первых переписей, охватывающих до ста и более отдельных отраслей и профессий. Данные этих двух переписей сводились после обработки собранного статистического материала в так называемые «Tabellen und amtliche Nachrichten über den Preussischen Staat» и издавались специальным статистическим бюро в Берлине.

На серьёзные недостатки, допущенные при составлении этих таблиц, указывали ещё статистики середины прошлого века (Реден, Дитерини). Недостатки эти в основном заключаются в том, что данные о состоянии той или иной отрасли промышленности разносились по соответствующим рубрикам обеих таблиц — и «промысловой» и «фабричной» — часто по чисто случайным и неустойчивым признакам, не имеющим ничего общего с подлинно научной классификацией промышленных форм.

Нам уже приходилось указывать на серьёзные недостатки прусской промышленной статистики, которые затрудняют пользование собранным в «Таблицах» цифровым материалом и не позволяют делать правильные выводы о действительном уровне промышленного развития Пруссии накануне и в начале промышленного переворота ⁵.

Несколько позднее Н. И. Фриман в своей работе о «Берлинском пролетариате накануне революции 1848 года» ⁶ подверг детальному критическому анализу методы составителей указанных «Таблиц». Он доказал, что «Таблицы» эти «не могут дать самостоятельной иллюстрации характера прусской промышленности» и вообще страдают столь большими недостатками, что не позволяют правильно судить о состоянии и степени развития промышленности Пруссии в 40-х годах XIX века. По его мнению, в «Таблицах» преуменьшается степень развития наёмного труда и тем самым — классовых противоречий, и это неизбежно приводит к полному искажению исторической действительности.

Особенно сильно затушёвывают действительные отношения «Промысловые таблицы», поскольку они охватывают всех занимающихся ручным трудом («Handwerker»), не делая вовсе различия между са-

¹ Schmoller G. «Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung». «Schmollers Jahrbuch». Jahrg. XIV. H. 4, S. 25. Leipzig. 1890.

² Schmoller G. «Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung». «Schmollers Jahrbuch». Jahrg. XIV. H. 4, S. 32. Leipzig. 1890.

³ Liefman, Op. cit., S. 40 ff.

⁴ Ibidem. S. 49.

⁵ Кан С. «Два восстания силезских ткачей (1793—1844)». Монографическое исследование (машинопись). М. 1940.

⁶ Фриман Н. «Берлинский пролетариат накануне революции 1848 г.». Монографическое исследование (машинопись). М. 1941;

мостоятельным мелким товаропроизводителем и рабочим мелких капиталистических промыслов и капиталистической мануфактуры. Понятно, что допущенное в «Таблицах» смешение самых различных категорий работников приводит на практике к резкому преувеличению количества самостоятельных хозяев, к затушёвыванию классового расслоения и, в конечном счёте, к явному уменьшению степени капиталистического развития домартовской Пруссии.

Выводы Н. И. Фримана, таким образом, вполне подтверждают вскользь брошенные Марксом в предисловии к первому изданию I тома «Капитала» слова о социальной статистике Германии, которая «...находится в жалком состоянии» и только «...приоткрывает покрывало как раз настолько, чтобы заподозрить под ним голову Медузы»¹.

Пороки первых двух промышленных переписей наложили свой отпечаток на всю последующую деятельность прусского статистического бюро, которое, понятно, поставляло соответствующий материал и для теоретических обобщений Рошера и Шмоллера. С другой стороны, сами эти порочные теоретические построения влияли на результаты статистических подсчётов, поскольку самая методика сбора и обработки материала опиралась на те или другие теоретические построения и схемы.

Проф. Штида, например, обращает внимание на то, что промышленная перепись 1882 г. проводилась в германской империи под непосредственным влиянием Лексиса, который рассматривал кустарей исключительно только как «dislozierte Arbeiter» т. е. видел в них лишь разбросанных по своим светёлкам промышленных рабочих, и отказывался видеть в тех кустарях, которые самостоятельно закупают сырьё и продолжают продавать готовые изделия купцам на рынках, работников домашней капиталистической промышленности².

В переписи 1882 г. понятие «домашняя промышленность» оказывается столь суженным, что большое число мелких кустарей, уже давно целиком потерявших всякую связь с потребителем и полностью зависящих от предпринимателей-мануфактуристов, скупающих у них готовые или полуготовые изделия, отнесено в рубрику «ремесленников», что, разумеется, совершенно искажает действительность. Немецкие статистики, как это видно, разделяли все пороки, которыми страдала и наша русская земская статистика конца прошлого века.

IV

Указанными выше недостатками и пороками ещё не исчерпываются все теоретические погрешности, присущие представи-

см. статью М. Фримана «Критический обзор источников и литературы о берлинском пролетариате накануне революции 1848 г.». Учёные записки Ярославского пединститута, вып. VII. 1945.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 7.

² Stie da. Op cit., S. 17.

телям немецкой университетской экономической истории. В «Фабричных таблицах» к «фабричным заведениям» («Fabrikanstalten») отнесены все крупные предприятия вообще, независимо от того, применяется ли в них система машин или нет. Фабричные предприятия в подлинном, научном смысле этого слова свалены в них в одну кучу с мануфактурами.

Ещё Ленин в «Развитии капитализма в России» указывал: «Смешивать мануфактуру и фабрику — значит брать в основу классификации чисто внешние признаки и просматривать те существенные особенности техники, экономики и бытовой обстановки, которые отличают мануфактурный и машинный период капитализма»³. Это смешение понятий фабрики и мануфактуры, как известно, особенно характерно для двух крупнейших немецких историков-экономистов конца XIX в. — Гельда и Бюхера, по адресу которых и сказаны были Лениным приведённые только что слова.

И Гельд и Бюхер хорошо понимают, что домашняя промышленность, как особая форма промышленности, представляет собой явление нового, не средневекового порядка. И оба они поэтому выделяют работу на скупщика в особую форму промышленного производства. Однако это признание капиталистической природы кустарничества несколько не мешает и Бюхеру и Гельду всячески затушёвывать факты именно капиталистической эксплуатации кустаря, неразрывно связанные с мануфактурной стадией развития капитализма. Одновременно они не меньше Шмоллера идеализируют новые производственные отношения, создающиеся в процессе общественного разделения труда.

На страницах «Возникновения народного хозяйства» Бюхер, как известно, уделяет достаточно внимания вопросу об упадке средневекового ремесла. Он исходит при этом из весьма спорного положения о полном преобладании ремесла в промышленности Германии не только в конце XVIII, но и в первые десятилетия XIX века.

Описав скромное, но безбедное существование мелких ремесленных мастеров во времена средневековья, Бюхер с удовлетворением констатирует, что именно «таково было старое ремесло» и что, по существу, вплоть до 40-х годов XIX в. «в этом отношении мало что изменилось»⁴. Только позднее кустарная и фабричная промышленность, по мнению Бюхера, совершенно поглотила некоторые мелкие ремёсла, другие же оказались отодвинутыми на второй план, что, однако, совсем не привело к уничтожению ремесла вообще: если ремесло не смогло больше процветать в крупных городах, говорит он, то «оно тем более распространилось в деревне и здесь породило многочисленные, связанные с земледелием пред-

³ Ленин. Соч. Т. III, стр. 430.

⁴ Бюхер «Возникновение народного хозяйства», стр. 131.

приятия, на которых с удовольствием оста- навливается глаз человеколюбивых людей»¹.

«Человеколюбивый глаз» самого Бюхера не видит всех тех бедствий, выпадающих на долю мелких производителей, которые неизбежно связаны с распространением кустарничества. Бюхер готов даже подвергнуть сомнению правильность многочисленных «жалоб и нареканий» со стороны разоряющихся ремесленников, которые раздаются «с самого начала новой хозяйственной эпохи»². Главной причиной этих жалоб кроется, по его мнению, «в ложном представлении о той степени благосостояния, которую вообще может дать ремесло, как форма промышленности»³. Аргументация Бюхера, таким образом, предвосхищает выводы современных английских буржуазных апологетов капитализма, стремящихся затушевать факт социальных бедствий, связанных с переходом к капиталистическому способу производства, ссылаями на будто бы аналогичное положение трудящихся в предшествующий экономический период.

Гельд ещё решительнее, чем Бюхер, идеализирует капиталистический способ производства и первые стадии капитализма в промышленности. Он также не усматривает никакой принципиальной, качественной разницы между средневековым ремеслом и последующими формами промышленной деятельности. Предвосхищая Пиренна и А. Озе, он утверждает, что между всеми этими формами можно найти лишь «количественное отличие»⁴, связанное прежде всего с увеличением размеров производства под влиянием всё растущего спроса. Средневековые ремесленные мастерские вовсе не отличаются «столь принципиально»⁵ от капиталистических предприятий, полагает он, и в средние века имелись налицо случаи создания крупных капиталов и сбыта товаров на далёкие рынки. Полемизируя с марксистами, Гельд совершенно отрицает эксплуатацию как явление, присущее капитализму, и рассматривает отношения между трудом и капиталом как отношения взаимных услуг («Dienste») между подчинённым и подчиняющим, основанные на взаимной пользе⁶.

И Гельд, подобно Бюхеру, выделяет домашнюю промышленность как особую форму промышленной организации. Оба они одинаково далеки от правильного понимания стадий развития капитализма в области промышленности. Оба они отрывают «Hausindustrie» от «Fabrikindustrie», сближают кустарничество с ремеслом, совершенно не отдавая себе отчёта в том, что, говоря словами Ленина, «...немецкая Hausindustrie, русская «домашняя система крупного производ-

ства» представляют из себя капиталистическую организацию промышленности, ибо тут не только господствует товарное производство, но и владелец денег господствует над производителем и присваивает себе сверхстоимость»⁷. Оба они берут в основу классификации чисто внешние признаки (длину пути прохождения товара от производителя к потребителю, размеры сбыта) и, по существу, совсем снимают с обсуждения важнейший вопрос — о связи и преемственности между отдельными формами промышленности.

Гельд, например, характеризуя в своей работе «Основные формы промышленности» (Grundformen des Gewerbetriebes), выделяет, так же как и Бюхер, «Hausindustries» в особую форму промышленности, но самую возможность разделения экономической истории на отдельные, отграниченные друг от друга эпохи допускает, по существу, только для одной Англии. В Германии, по мнению Гельда, можно было наблюдать последовательное развитие кустарной и фабричной промышленности, «однако здесь невозможно вообще различать между собой две эпохи и две фазы развития промышленности, из которых одна представляет из себя победу кустарничества, а другая — фабрики»⁸.

Таким образом, Гельд не только не выделяет мануфактурную стадию развития капитализма, но и растворяет кустарничество — работу на скупщика — в других формах немецкой промышленности; он выбрасывает эту форму из общей схемы промышленного развития Германии.

И Бюхер и Гельд, подобно русским народникам, учившимся на их трудах, совершенно не понимают, что «...самая тесная и неразрывная связь между торговым и промышленным капиталом есть одна из наиболее характерных особенностей мануфактуры»⁹ и что «Скупщик» почти всегда переплетается здесь с «мануфактуристом»¹⁰. Именно поэтому при классификации капиталистических форм и стадий промышленности Бюхер и Гельд, с одной стороны, сближают ремесло с кустарничеством, а с другой — смешивают мануфактуру с фабрикой.

Нельзя отрицать влияния, оказанного теоретическими воззрениями Бюхера и Гельда на разработку экономической истории Германии XVIII—XIX вв. и, в частности, на разработку вопросов, связанных с историей возникновения и развития её фабричной промышленности. Не меньшее, если не большее, влияние на разработку вопросов экономической истории Германии в новое время оказали методологические установки и конкретно-исторические выводы Вернера Зомбарта.

Свои общие воззрения на сущность кустарничества Зомбарт излагает в специальной главе «Современного капитализма», анализирующей начальные формы крупных капита-

¹ Бюхер «Возникновение народного хозяйства», стр. 126.

² Бюхер. Указ. соч., стр. 146.

³ Там же.

⁴ Held «Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands», S. 536. Leipzig. 1881 («Einen quantitativen Unterschied»).

⁵ Ibidem («so prinzipiell scharf»).

⁶ Held. Op. cit., S. 539.

⁷ Ленин. Соч. Т. I, стр. 306.

⁸ Held. Op. cit., S. 548.

⁹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 342.

¹⁰ Там же.

листических предприятий¹. Обрисовав широкое распространение этой формы промышленного производства в Европе уже в XIV—XVI вв. и установив, что основным для этой формы является предоставление владельцем денежных средств кредита в денежной или натуральной формах мелким производителям. Зомбарт переходит к выяснению вопроса о том, имеем ли мы основание усматривать в кустарничестве зачатки промышленного капитализма. Правильный ответ на этот вопрос, по его мнению, можно получить только после правильного определения самого понятия «капитализм»: если под капитализмом понимать любые отношения эксплуатации труда капиталом, кустарничество должно быть безусловно отнесено к формам капиталистического производства; если же под капитализмом понимать только определённую форму организации самого производственного процесса, то в этом случае не может быть и речи об отождествлении кустарничества с капитализмом! При «чистом» предоставлении кредита мелкому производителю возникающие отношения целиком принадлежат к сфере распределения и совершенно не затрагивают самого процесса производства — кустарь остаётся попрежнему всё тем же ремесленником, а капитал купца остаётся всё тем же торговым капиталом. Коренное изменение, по мнению Зомбарта, наступает только тогда, когда купец («Geldgeber») берёт на себя руководство процессом производства. «С этого момента возникает капиталистическая организация», — говорит Зомбарт, который ещё раньше категорически отказывался видеть капитализм, там, где зависимость мелких производителей от обладателей денежных средств выражается в купке этими последними изделий мелких производителей².

Исходя, таким образом, из своего понимания капитализма как определённой формы организации крупного предприятия, Зомбарт отказывается видеть капиталистические отношения не только при наличии «Kaufsystem», как это делали до него многие немецкие буржуазные историки-экономисты, но даже и при наличии раздачи сырья на выработку, предоставлении кредита производителям и т. д. «Verlag» — кустарничество — для него имеет, таким образом, «только чисто внешнее сходство с капиталистическим предприятием, по существу же («sinnerlich») они друг с другом не имеют ничего общего»³.

Зомбарт, следовательно, подобно большинству других немецких буржуазных экономистов, сближает кустарничество с ремеслом и уже по одному этому закрывает себе пути к правильному пониманию тех явлений в конкретной исторической действительности, с которыми ему придётся столкнуться при анализе экономического развития Германии в период перехода от феодализма к капитализму. Вынося ранние формы простой

кооперации и мануфактуры за рамки капиталистических предприятий и не усматривая в этих формах ничего принципиально нового, Зомбарт, как увидим дальше, пытается дать картину экономической жизни Германии конца XVIII и начала XIX в., неизбежно запутывается в сети противоречий. И это оказывается для него совершенно неизбежным ещё и по другой причине: категорически отказываясь признать существование мануфактурной стадии развития капитализма, он подчёркивает «Nebeneinander, nicht etwa Nacheinander»⁴ в развитии форм крупных капиталистических предприятий. В отличие от Бюхера и Гельда он, хотя и признаёт необходимость отличия понятия мануфактуры от понятия фабрики, тем не менее совершенно не понимает, что различие в самой технике производства неизбежно ведёт к самой непосредственной и самой тесной связи и преемственности между отдельными формами промышленности.

Пристально взглянув на отдельные стороны хозяйственной жизни Германии начала XIX в., Зомбарт приходит к выводу, что в промышленной жизни тогда ещё почти исключительно господствовала ремесленная организация⁵, что в связи с этим «здание старого цехового строя стояло ещё непоколебленным в своей старой форме»⁶ и что, наконец, в Германии тогда имелось налицо только укрупнённое ремесло. Большого не представляла ещё и «индустрия»⁷, решительно заявляет он.

По мнению Зомбарта, сдвиги, имевшие место в промышленной жизни в первые десятилетия XIX столетия, мало что изменили в экономике Германии.

Проникновение капиталистических элементов в производство Германии вплоть до начала 50-х годов, полагает Зомбарт, происходило лишь в ограниченных размерах⁸, и случаи капиталистической эволюции, если они имели место, «касались лишь поверхности хозяйственного строя»⁹. Общий колорит хозяйственной жизни домартовской Германии был, следовательно, «совершенно отличен от нынешнего»¹⁰, современного, и именно поэтому только лишь второй половине XIX столетия «было предназначено сделать капиталистическую хозяйственную систему общераспространённой в Германии»¹¹.

Грубая ошибка, допущенная Зомбартом при характеристике уровня экономического развития Германии первой половины XIX в., связана, понятно, с его методологией. В книге «Очерки промышленного развития Германии» он сам признаёт, что «обращал главное внимание лишь на то, что можно назвать «внешней организацией производства»: на отношения, возникающие между

⁴ Ibidem, S. 733.

⁵ Зомбарт В. «Народное хозяйство Германии в XIX и в начале XX в.», стр. 36. М. 1924.

⁶ Там же, стр. 41.

⁷ Там же, стр. 72.

⁸ Там же, стр. 14.

⁹ Там же, стр. 17.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 240.

¹ Sombart W. «Der moderne Kapitalismus». Bd. II. T. 2. S. 25. Lpz. 1921 («Die Vorstufen der kapitalistischen Grossbetriebe»).

² Sombart W. Op. cit., S. 722—724.

³ Ibidem, S. 862.

производителем и потребителем, с одной стороны, и между различными производителями, представителями различных отраслей производства — с другой. «Внутренней организацией ремесла», — признаётся Зомбарт, он касался «лишь при случае», а под этой «внутренней организацией ремесла» он понимает, ни больше ни меньше, как «взаимные отношения производителей», «внутренний строй самого ремесленного сословия»¹.

Вследствие этого Зомбарт оказывается не в состоянии проследить, как на различных стадиях капитализма меняется самый характер развития производства. Он не проследивает развития капитализма в мелких крестьянских промыслах и равнодушно проходит мимо капиталистической мануфактуры в том случае, если не видит перед собой крупного капиталистического предприятия в его полуконцентрализованной или централизованной форме.

Приведя в своих очерках статистические данные, характеризующие «крайне ограниченные размеры» фабричной промышленности домартовского периода, он с пренебрежением подчёркивает, что «во всех отраслях немецкой промышленности того времени всё ещё преобладает кустарная система производства»².

Он не даёт себе труда подробно проследить за развитием этой формы производства и поступает при этом вполне последовательно, поскольку, как мы уже знаем, вообще отказывается видеть капитализм в ранних формах рассеянной мануфактуры, которые как раз и преобладали в первую половину XIX в. в различных отраслях германской промышленности.

Как отмечалось, Зомбарт отказывается признать учение Маркса о капиталистической мануфактуре и категорически отрицает самый факт исторического существования мануфактурного периода. Теперь этот методологический порок метит за себя, не давая Зомбарту возможности понять и правильно описать сложную хозяйственную действительность переходного периода и толкая его в дебри неразрешимых противоречий!

V

Не подлежит никакому сомнению, что именно все эти неправильные взгляды Зомбарта способствовали широчайшему распространению самых превратных представлений о народном хозяйстве Германии первой половины XIX века.

Мы сталкиваемся с этими неверными представлениями в большинстве работ как немецких историков-экономистов, так, что особенно досадно, историков-иностранцев, писавших об экономике Германии домартовского периода. Последние, несмотря на отсутствие у них предвзятой схемы, охотно вслед за Зомбартом повторяли, что в начале XIX столетия «German industry in general

could in no sense be called capitalistic»³. И те и другие хорошо запомнили те блестящие по форме, яркие страницы домартовских книг, где рассказывается о «ночном стороже с копьем в руках и рожком», как символе старого, будто бы сохранившегося до 1884 г. уклада, и где в образных выражениях живописуется средневековый ещё облик Германии начала прошлого века, и проходят мимо тех маловыразительных и бледных страниц, где Зомбарт, в противоречии с самим собой, не столько говорит, сколько шепчет о существовании в Германии того времени «косвенной зависимости от капитала».

Особенно характерны в этом отношении утверждения автора известного руководства по экономической истории Германии Сарториуса фон Вальтерсхаузена, который подытоживает господствующие взгляды. Сарториус начинает с утверждения, что ко времени создания германского союза именно «ремесло лежало в основе промышленного производства Германии»⁴. О развитии кустарничества он говорит немного, указывая всё же на распространение этой формы промышленного производства в Германии того времени⁵, «частично в деревне, частично в городе». Отношения эксплоатации, царящие в домашней капиталистической промышленности, Сарториусом не раскрываются; наоборот, он подчёркивает будто бы сохранившуюся здесь полную гармонию в отношениях между мелким производителем и купцом-предпринимателем⁶.

Из другого места «Руководства» Сарториуса читатель узнаёт о том, что вплоть до 30-х годов ремесло сохранялось в Германии «в своем старом объеме» и только позднее вытесняется новыми формами промышленной организации⁷. О том же, по существу, твердят и Поле, и Гернике, и Шнабель. Для первого из них к началу XIX в. именно ремесло в Германии являлось «гораздо более важной производственной формой» — «eine weitaus wichtige Betriebsform», — а весь экономический строй носил «einen ausgesprochenen mittelalterlichen Charakter»⁸. Для Гернике также вплоть до первых десятилетий XIX в. «der Zunftmässige leitete und überwachte Kleinbetrieb war die Regel»⁹, а Шнабель в своём известном пособии по истории Германии указывает, что влияние первых шагов технического переворота, сделанных Германией в 20-х—30-х годах, на общественную и государственную жизнь «было едва заметным» — такой, по мнению Шнабеля, отста-

³ Clapham «The economic development of France and Germany», p. 85. Cambr. 1923.

⁴ Sartorius von Waltershausen «Deutsche Wirtschaftsgeschichte», S. 17. Jena. 1923.

⁵ Ibidem, S. 18.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem, S. 72 ff.

⁸ Pohle «Die deutsche Volkswirtschaft im XIX J.». Berlin. 1909.

⁹ Hörnicke «Die Entwicklung Deutschlands von Agrarstaat zum Industriestaat», S. II, 25. Berlin. 1922.

¹ Зомбарт В. «Очерки промышленного развития Германии», стр. 93.

² Там же, стр. 23.

лой и «средневековой» была ещё тогда Германия¹.

В плену у той же зомбартовской схемы оказываются и многие иностранные историки, изучавшие экономическую историю Германии домартовского периода.

Веблен, американский экономист, вообще склонный к парадоксальным точкам зрения, например, не смущаясь, утверждает в своей монографии об «Индустриальной революции в Германии», что страна эта в начале XIX в. «в промышленном отношении целиком ещё находилась на ремесленном уровне развития» и что по сравнению с Англией она к тому времени отстала на два с половиной — три столетия. По мнению Веблена, только во второй половине XIX в. иностранное влияние стало здесь серьёзно угрожать «архаической системе производства»².

Ещё более решительно хозяйственную отсталость Германии в начале XIX в. оттеняет известный английский историк Клефем. По его мнению, хозяйственную жизнь Германии того времени даже нельзя сравнивать с относительно более развитой экономикой Германии времён Дюрера и Г. Сакса³. «Покорение, жившее в Германии между концом наполеоновской эпохи и серединой XIX столетия, мало чем содействовало непосредственному развитию капиталистического духа и, хотя и подготовило капиталистическое развитие... само почти не было затронуту дуновением капитализма»⁴. — заявляет Клефем в полном противоречии с действительностью.

И. Бенертс, автор новейшей французской монографии, посвящённой «происхождению крупной германской промышленности», также явно склонен преувеличивать степень экономической отсталости Германии к 30-м годам XIX века. Правда, он не идёт в этом отношении так далеко, как Клефем, или тем более Веблен, и у него мы не найдём сравнения Германии начала прошлого века с Германией Дюрера и Сакса. Он совершенно правильно оценивает отставание германского промышленного развития от английского приблизительно лишь на 50 лет⁵. Но и он в своей книге также не уделяет достаточного внимания германской мануфактуре и проходит мимо всех с нею связанных проблем. Для него, как и для других буржуазных историков-экономистов, не существует вовсе мануфактурной стадии развития капитализма, и он усматривает значение введения в Германии машин в том, что оно «внезапно» сломало узкие, ограниченные рамки старого промышленного производства и сразу же создало крупную германскую промышленность⁶.

Под крупной промышленностью Бенертс понимает только промышленность фабричную и именно поэтому, повторяя Зомбарта, утверждает, что «в Германии настоящая крупная промышленность была создана только с введением машинизма»⁷. До введения машинной индустрии организация промышленного производства в Германии, по его мнению, опиралась «по существу («essentiellelement») на формы прошлого»⁸, состояла из массы изолированных, мелких, не знающих ещё отделения труда от капитала предприятий («Einheitsbetriebe») ⁹. До введения машин Германия, заявляет Бенертс, «меньше всего может быть названа страной капиталистов»¹⁰.

Недостаточное понимание всей сложности процесса перехода от одной формы промышленности к другой, полное игнорирование связи и преемственности этих форм — вот источник всех этих поверхностных и глубоко неверных утверждений. Значительное преувеличение отсталости народного хозяйства Германии конца XVIII и первых десятилетий XIX в. ведёт неизбежно к полной невозможности хоть сколько-нибудь понятно объяснить причины его быстрого капиталистического расцвета во второй половине прошлого века. Из Германии ремесленной и средневековой буржуазные историки-экономисты сразу создают Германию высокой капиталистической индустрии, Германию Тиссенов и Круппов. При этом остаются совершенно неизученными и невыясненными не только особенности именно германского мануфактурного периода, но и сходные черты, сближающие мануфактурное развитие Германии с соответствующим мануфактурным развитием других стран.

Таким образом, мануфактурный период развития капитализма в Германии просто опускается, и это всемерно облегчает возможность построения любой произвольной схемы её экономического развития, позволяя вместе с тем в качестве principium divisionis историко-экономической периодизации выдвигать чисто политические моменты.

VI

Что же в действительности представляла собой промышленность домартовской Германии и почему неправильно вместе с Зомбартом и другими буржуазными историками-экономистами называть её просто «ремесленной»? Почему нельзя никак согласиться с тем, что вплоть до середины XIX в. именно ремесленная организация являлась в Германии «организацией, почти исключительно господствовавшей в промышленной жизни». Нет необходимости излагать здесь те блестящие по форме и глубокие по содержанию страницы «Капитала», где Маркс раскрывает сущность капиталистической мануфактуры.

¹ Schnabel «Deutschland in der weltgeschichtlichen Wandelungen», S. 117 ff..

² Veblen «Imperial Germany and the industrial Revolution», p. 63, 76. London. 1915.

³ Clapham. Op. cit., p. 82, 85, 88.

⁴ Clapham. Op. cit., p. 51.

⁵ Benaerts «Les origines de la grande industrie allemande», p. 119. Paris. 1933.

⁶ Ibidem, p. 460 — 573.

⁷ Ibidem, p. 373.

⁸ Ibidem, p. 115.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Benaerts. Op. cit., p. 123 («Aussi l'Allemagne était elle rien moins qu'un pays de capitalistes»).

Как характерная форма капиталистического процесса производства именно мануфактура господствует в Европе. «...в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины XVI столетия...»¹, — указывает Маркс, подчёркивая в то же время, что «...полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на равнообразные препятствия»², и это не даёт ей возможности «...ни охватить общественное производство во всём его объёме, ни преобразовать его до самого корня»³. В связи с этим и в течение мануфактурного периода «городское ремесло и сельская домашняя промышленность» сохраняют ещё широкое и повсеместное распространение.

Правильное понимание процесса развития промышленных форм какой-либо страны зависит, разумеется, от методологии исследователя. Задачи, стоящие перед исследователем-экономистом, работающим в области изучения промышленных форм, давно уже исчерпывающе определены Лениным. Исследователь этот, если только он хочет добиться плодотворных результатов, должен прежде всего обратить самое пристальное внимание на первые стадии капитализма в промышленности, а затем на капиталистическую мануфактуру; он должен показать, какова была экономическая организация важнейших отраслей промышленности «...после того, как они выросли из стадии мелких крестьянских промыслов, и до того, как они были преобразованы крупной машинной индустрией»⁴.

Немецкие исследователи проходят мимо мануфактуры, этой «кооперации, основанной на разделении труда», и, что особенно важно, относят низшие формы «Hausindustrie» к ремесленной форме организации промышленности. Они не понимают, что даже и эти низшие формы домашней промышленности, при которых внешне сохраняются самостоятельность и независимость мелкого производителя, в действительности только скрывают от недостаточного зорких глаз капиталистическую организацию промышленности, господство купца-предпринимателя над производителем.

Для того чтобы действительно понять существо отношений, господствовавших в народном хозяйстве Германии первой половины XIX в., необходимо в противоположность Зомбарту и другим буржуазным исследователям прямо поставить вопрос о мануфактурной стадии развития германского капитализма и только под этим углом зрения изучать сложный процесс перехода от ремесла к фабрике в отдельных отраслях германской промышленности.

Приходится безусловно признать, что из всех буржуазных историков, писавших о германской экономике конца XVIII и начала XIX в., только один Жорес несмотря на всю парадоксальность высказанных им взглядов

ближе всех подошёл к истине. Известно, что именно он обратил на страницах III тома своей «Истории французской революции» внимание на факт постоянного преувеличения экономической отсталости Германии времён французской революции и Наполеона и, главное, предложил со всей решительностью не забывать, что Германия, так же как и Англия и Франция, проходила через мануфактурную стадию капитализма. «В экономическом развитии Германии накануне французской революции мы находим все особенности мануфактурного периода»⁵, — указывает он, ссылаясь на сочинения и показания современников — графа Мирабо, Юстуса Мезера, Георга Форстера. В Германии конца XVIII в., подчёркивает Жорес, отнюдь не наблюдается полного застоя или рутинности. «Промышленность Германии, конечно, не обнаруживает того могучего подъёма, какой происходит во Франции, но она переживает, переживает кризис, который свидетельствует о мощности её молодых сил»⁶. Развитие промышленности идёт и во Франции и в Германии «в одном направлении».

Со всем этим, повторяем, нельзя не согласиться, отдавая должное зоркости французского историка социалиста, сумевшего куда лучше разобраться в экономических отношениях Германии, чем это сделали многие и многие исследователи-немцы. Но, к сожалению, Жорес не ограничивается этими правильными общими положениями, стремясь свести свои счёты с историческим материализмом и марксизмом, забывает установить своеобразные особенности развития именно германской национальной промышленности. Он склонен преувеличить степень развития германской экономики и, конечно, совершенно напрасно полагает, что Маркс не видел или не хотел видеть развития капиталистической мануфактуры на немецкой почве. Приходится удивляться, заявляет Жорес, «что Маркс не иллюстрировал свои великолепные исследования мануфактурной эпохи фактами, которые в изобилии мог бы ему доставить этот период в развитии Германии»⁷. Но Маркс, как известно, совершенно сознательно не уделяет внимания мануфактурному развитию Германии в своём «Капитале», в котором даётся анализ капиталистических отношений в их классической и чистой форме. Он, разумеется, хорошо осведомлён о тенденциях экономического развития своей вынужденно покинутой родины. Именно поэтому, как бы предвидя упреки Жореса, уже в предисловии к первому тому своего труда он пишет о том, что всё, сказанное им в первом томе, относится исключительно к Англии. «De te fabula narratur!» — пишет он в предисловии к первому тому «Капитала», обращаясь к немецкому читателю, который вздумает успокаивать себя тем, «...что в Германии дело обстоит далеко не так плохо»⁸.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 370.

² Там же, стр. 405.

³ Там же, стр. 406.

⁴ Ленин. Соч. Т. III, стр. 299.

⁵ Жорес «История французской революции». Т. III, Ч. 2-я, стр. 17.

⁶ Там же, стр. 20.

⁷ Там же, стр. 11.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 4.

«Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего»¹, — указывает Маркс дальше. Меринг, впрочем, уже давно подверг критическому анализу выдвинутые Жоресом против Маркса упреки и давно и совершенно справедливо назвал «фантазией» слова Жореса о том, что Маркс будто бы хранил «полнейшее молчание» по поводу начальной стадии капитализма в Германии².

В свете всех этих контрверз лучше вырисовываются задачи подлинно научного исследования в области новой экономической истории Германии и германского народа. Проблема перехода Германии от феодализма к капитализму не может быть разрешена без детального анализа истории возникновения и развития её национальной мануфактуры, её мануфактурной стадии.

Но детальный анализ этот требует от исследователя много больше, чем может дать поверхностная болтовня о «счастливой связи» между предпринимателями и мелкими непосредственными производителями-мастерами, на которую мы наталкиваемся во многих книгах, посвящённых развитию домашней промышленности на немецкой почве. Он требует прежде всего внимания к связи и преемственности отдельных промышленных форм, внимания к национальным особенностям их развития в период, непосредственно предшествующий созданию капиталистической машинной индустрии. Он требует умения применять единственно научный метод исторического исследования — метод марксизма-ленинизма — при изучении конкретных условий перехода промышленности той или другой страны от средневекового ремесла к капиталистической машинной промышленности.

Работы в этой области предстоит много, поскольку подлинно научный анализ вопросов, связанных с процессом перехода германской промышленности от ремесла к фабрике, ещё далеко не охватил не только всей этой промышленности в целом, но и отдельных её отраслей.

В нашей монографии, посвящённой «Двум восстаниям силезских ткачей», сделана попытка осветить процесс перехода к капиталистическому способу производства на примере текстильной промышленности одной из провинций Пруссии. Детальный анализ внутреннего строя силезских полотняных промыслов, произведённый на основе марксистско-ленинского метода, привёл нас к совершенно иным конкретным результатам³, чем Шмоллера и А. Циммермана, разрабатывавших в конце XIX в. этот же вопрос.

Уже к началу XIX в. в силезской текстильной промышленности — вне всякого сомнения, более отсталой, чем текстильная промышленность Рейнско-Вестфальской области и Саксонии, — вовсе не существовало тех простых и патриархальных отношений, на которые указывают почти все без исключения немецкие историки-экономисты. Здесь давно уже была широко распространена типичная рассеянная капиталистическая мануфактура, далеко ушедшая от старинных домашних промыслов силезских крестьян и тем более от городских ремесленных форм средневековья.

Мануфактура эта имела свои специфические особенности, связанные с сохранением в Силезии до середины XIX в. пережитков крепостничества и феодализма. Пережитки эти тяжело отражались на производстве и обусловливали неизбежное отставание силезской текстильной мануфактуры от промышленности и других более передовых стран, выразившееся в характерном замедлении здесь перехода от одной формы капиталистической мануфактуры к другой и в длительном переживании так называемой «Kaufsystem».

К не менее отличным от обычных для буржуазной литературы выводам пришёл в своём, к сожалению, также ещё не напечатанном исследовании, посвящённом «Берлинскому пролетариату накануне революции 1848 года» и М. И. Фриман.

Последний ничего, по существу, не оставляет от характеристики Берлина, данной Зомбартом и повторённой позднее Эдуардом Бернштейном: первый из них в своих «Очерках» называет прусскую столицу 40-х годов прошлого века «ремесленным городом» и «большим селом», а второй в своей «Истории рабочего движения в Берлине» подчёркивает, что здесь «в общем ремесленники и их подмастерья всё же составляли подавляющее большинство»⁴.

На основании проведённого со всей возможной тщательностью анализа имеющегося статистического материала (переписи 1846 и 1849 гг.) М. И. Фриман приходит к выводу, что «Берлин 40-х годов был одним из значительных торгово-промышленных центров Германии, в котором ремесло находилось уже не на начальной, а на последней стадии разложения». В отличие от Зомбарта, Бернштейна, Кварка и многих других авторов, не желавших видеть в предмартовском Берлине «города социальных антагонизмов», советский исследователь пришёл к выводу, что Берлин 40-х годов «был городом, экономика которого основывалась на капиталистической мануфактуре» со всеми вытекающими отсюда последствиями и для сферы социальных классовых отношений.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 4.

² Mehring «Pour le roi de Prusse», «Neue Zeit». Bd. I, S. 517.

³ Кан С. «Два восстания силезских ткачей», гл. I (машинопись).

⁴ Фриман М. «Берлинский пролетариат накануне революции 1848 г.», стр. 88 (машинопись).